

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ИМЯ
НАРОДА** **УКРАИНА
И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ
В ОФИЦИАЛЬНЫХ
И НАУЧНЫХ ТЕРМИНАХ,
ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ЛИТЕРАТУРЕ**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 81.23
ББК 81.02
И56

Редколлегия:

доктор исторических наук *Е.Ю. Борисенок* (отв. ред.);
кандидат исторических наук *М.Э. Клопова*;
доктор исторических наук *М.В. Лескинен*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ю.А. Лыбыщев*
(Институт славяноведения РАН);
кандидат исторических наук *В.И. Мироненко*
(Институт Европы РАН)

Издание осуществлено по гранту РГНФ «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения» (проект №16-01-00395а).

И56 Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе : Сборник статей. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-4469-1002-1

Сборник статей по материалам одноименной конференции, организованной Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН в 2015 г. Авторы анализируют процессы формирования и эволюции комплекса официальных номинаций (географических, административно-региональных, политических, этнических и др.), соотносимых с территориями Юго-Западной Руси / Малороссии / Украины, а также рассматривают трансформацию этнонимов и экзонимов, связанных с ними и использовавшихся в различных этнокультурных стратах с конца XVIII до начала XXI в.

Authors analyze process of formation and evolution of a complex of the official nominations (geographical, administrative and regional, political, ethnic, etc.) correlated with territories of Southwest Russia / Little Russia / Ukraine. The transformation of ethnonyms related with population of this region, which used in language of various ethnic groups since the end of 18th — at the beginning of the 21st centuries is also under consideration.

УДК 81.23
ББК 81.02

В оформлении обложки использован фрагмент карты
“Carte Ethnographique de l'Europe”. Paris, 1885. (Gravé par J.Geisendorfer)

ISBN 978-5-4469-1002-1

9 785446 910021

© Коллектив авторов, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

Содержание

От редколлегии	5
<i>Б.А. Галь (Днепр)</i> Геоконцепт «Малороссия» на ментальных картах XVIII — первой половины XIX в.	8
<i>О.Б. Неменский (Москва)</i> Политические игры с русским именем в Австро-Венгрии (по материалам стенограммы судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь и товарищами)	29
<i>И.В. Орлевич (Львов)</i> Названия «русский», «малорусский», «российский» у галицийских русофилов (вторая половина XIX — начало XX в.)	63
<i>М.В. Лескинен (Москва)</i> «Южноруссы», «малороссияне», «малороссы», «украинцы»: трансформация этнонима в российском этногеографическом дискурсе XIX в.	77
<i>К.С. Дроздов (Москва)</i> Украинское население России / РСФСР в конце XIX — XX в.: «малороссы», «хохлы», «украинцы»	103
<i>Е.В. Байдалова (Москва)</i> «Хохол», «малоросс», «украинец» в ранних романах В.К. Винниченко (диалогия «По местам!» — «Божки», «Хочу!»)	126

<i>М. Э. Клопова (Москва)</i> Восточная Галиция и ее население на страницах российской прессы (август–сентябрь 1914 г.)	145
<i>Е. А. Прошина (Москва)</i> Этногеографическая терминология польских документов по украинскому вопросу на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.	161
<i>Ч. Фединец (Будапешт)</i> Славянское население Закарпатья в венгерской политической риторике периода ревизии	171
<i>М. Ю. Дронов (Москва)</i> Этническая идентичность русинов межвоенной Словакии сквозь призму этнонимии	191
<i>Е. Ю. Борисенок (Москва)</i> Понятия «Украина» и «украинцы» в большевистской идентификационной стратегии	229
<i>Е. Е. Левкиевская (Москва)</i> Семантические варианты топонима «Малороссия» и его дериватов в русской речевой практике постсоветского периода	250
<i>О. А. Остапчук, Т. Н. Курохтина (Москва)</i> Этнофолизмы в языке и политическом дискурсе эпохи пост-Майдана (на материале русского и украинского Интернет-пространства)	279
Список авторов	319

От редколлегии

В марте 2015 г. в Институте славяноведения РАН была проведена конференция «Имя народа: Украина и ее жители в официальных и научных терминах, публицистике и литературе», в которой приняли участие 18 исследователей из институтов Российской и Венгерской академий наук и РГГУ. Материалы этой конференции составили основную часть статей сборника. Центральной задачей большинства его авторов стала реконструкция изменений в области географической и этнической терминологии и неоднородных номинаций, относящихся к Юго-Западной Руси (России) / Малороссии / Галиции / Украине и ее жителям, а также к восточнославянскому (русинскому) населению Австро-Венгрии в языке, культуре и политике XVIII — начала XXI в. Почти во всех текстах затрагивается проблема семантического наполнения понятий-этнонимов (черкесы / малороссы / малорусы, малороссияне, южнорусы, хохлы, украинцы и др.) на разных исторических этапах и в языке различных социальных и этнических групп. Важным аспектом анализа стали идеологический и этнополитический факторы, влияющие на интерпретацию и применение имен / номинаций. Рассмотрены, однако, прежде всего внешние определения малороссийской / украинской культуры в российском официальном и научном языковом дискурсах. Реконструкция возникновения, распространения и эволюции

политонимов, регионимов, этнонимов позволяет в ином ракурсе изучать представления отдельных частей восточного славянства (русских и украинцев) о себе и других в лингвистическом, социокультурном и политическом значениях, которые являются отражением процесса внутренней и внешней этнонациональной идентификации.

Топонимам и этнонимам XVII – XIX вв. посвящены статьи: Б.А. Галя, М.В. Лескинен (российские официально-административные, региональные и этногеографические номинации), И.В. Орлевич (этническая терминология в идеологии галицийских русофилов), О.Б. Неменского (украинские/галицийские, польские и русские названия Малороссии / Украины / Руси и ее обитателей) и К.С. Дроздова (об эволюции самоназвания и экзонимов малорусов / украинцев, проживавших в Российской империи / СССР / России вне Украины). В исследовании М.Ю. Дронова представлены историко-культурные изменения региональных вариаций русинской идентичности периода нациестроительства в странах Центральной и Восточной Европы (XIX – начала XX в.), которые обусловили мозаику русинских идентичностей первой половины прошлого столетия. Во всех этих статьях отчетливо прослеживается полисемантизм одних и тех же наименований – даже в границах единой культуры, а также их постоянная изменчивость и трудноуловимость для современного исследователя в связи с незавершенностью масштабных проектов историко-лингвистических словарей и базы русского языка разных исторических периодов. Зависимость определений / номинаций от политического дискурса и трактовки патриотизма и национализма (русского, украинского, польского и др.) прослежена в статьях, в которых рассмотрены сюжеты первых десятилетий XX в.: в ранней прозе украинского писателя В.К. Винниченко (Е.В. Байдаловой), в газетных репортажах и публицистике российских журналистов в связи с победами русской армии в Галиции в самом начале Первой мировой войны (М.Э. Клоповой), а также в исследовании этногеографической терминологии, касающейся украинского вопроса, в текстах документации, подготовленной польскими экспертами для Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. (Е.А. Прошиной). В статьях Ч. Фединец и Е.Ю. Борисенок анализируются идеологические доктрины и политические концепции, под воздействием которых складывалась официальная номинация территорий и этнокультурных сообществ, – процесс, инициированный и регулируемый властями «сверху» с целью

закрепления и усиления позиций (необходимых для реализации национальной политики) разных этнических групп. Другими словами, речь идет о способах конструирования нации в период межвоенного двадцатилетия в Венгрии и Советской России / СССР.

Две статьи освещают лингвистические изменения последнего десятилетия, происходящие в топонимах, относящихся к Малороссии / Украине и в наименованиях носителей российской и украинской идентичности разных политических убеждений. Внимание авторов-лингвистов (Е.Е. Левкиевской, О.А. Остапчук и Т.Н. Курохтиной) сосредоточено на общих языковых трансформациях в области этнонимии (этнофолизмы), источниками для реконструкции которых стали материалы СМИ, публикации, блоги и мнения пользователей Интернета — с российской и украинской стороны.

Такой многоаспектный и междисциплинарный подход к изучению исторической семантики в области номинаций и к ее тесной взаимосвязи с национальной политикой и государственной идеологией позволил выявить основные тенденции словоупотребления (в сфере идентификации в целом и в области терминологии в частности) и определить перспективы дальнейшего изучения восточнославянской этнонимии в широком исследовательском поле.

Актуальность и злободневность данной проблематики не может не оказывать влияния на теоретические позиции исследователей и на Украине, и в России, однако редколлегия приняла решение не стремиться к прояснению отдельных дискуссионных вопросов на страницах этого сборника, представляющего разные, несовпадающие друг с другом точки зрения. Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов.

*Б.А. Галь
(Днепр)*

Геоконцепт «Малороссия» на ментальных картах XVIII — первой половины XIX в.¹

Но что означает в селе Липцах, последней к Харькову станции, сия крутая перемена во всем, что только взору не представляется? <...> Неужели тут положен предел Империи, не в другое ли въезжаю я государство? — Нет! Империя все продолжается; а отсюда начинается край, называемый Малороссиею.

П. Сумароков².

Перефразируя выражение А. Коржибски³, Малороссия является не столько территорией, сколько конвенцией — интеллектуальной, а иногда еще и административно-правовой. Временами это понятие появляется на географических картах, обозначая и трансформируя ту же самую, бóльшую или меньшую территорию, которую на тот момент интеллектуалы предпочитают называть «Малороссией». Временами полностью исчезает с карт, оставаясь лишь предметом споров по поводу внешних рубежей, внутренней организации и самой природы территории, которая обозначается этим понятием в рамках разных идеологических течений. Неустойчивый характер этого интеллектуального продукта, привязанного к изменчивой

почве, наилучшим образом передает разработанное в рамках гуманитарной географии понятие «геоконцепт».

Геоконцепт состоит из трех элементов — территориальной основы, её названия (топонима) и образа⁴. Формируется под влиянием двух основных процессов: концептуирования (исторического освоения территории в культуре) и концептуализации (сознательного создания новых физических, ономастических и ментальных смыслов). Множественность (неопределенность) территориальной локализации рассматривается как фундаментальная черта геоконцепта, а ретерриториализация (изменение территориального прикрепления) — как один из механизмов концептуализации⁵.

История изучения «разнообразных практик «символического присвоения пространства»⁶, т.е. концептуирования и концептуализации Малороссии начинается с работы А. Шафонского «Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России из частей коей оное наместничество составлено» (1786)⁷. В дальнейшем фрагментарно исследовались изменения территориальной основы геоконцепта «Малороссия» (территориальные трансферы в рамках Южного Левобережья⁸, природа т.н. «Малороссийского генерал-губернаторства»⁹), история использования топонимов «Малая Русь» / «Малороссия»¹⁰, образ Малороссии в записках путешественников¹¹.

В данной статье на основе анализа законодательных актов, делопроизводственных материалов, административной переписки и записок путешественников XVIII — первой половины XIX вв. сделана попытка проследить логику связей географического воображения и административной практики, определить особенности процессов локализации (концептуирования) и ретерриториализации (концептуализации) геоконцепта «Малороссия».

Малороссия, концептуирование

В начале XVIII в. под «Малороссией» понимали приграничную периферийную¹² территорию с домодерной администрацией, нелинейным¹³ административно-территориальным делением и неустановившимся названием — собственно «Малороссия» (отсюда «Малороссийский приказ», «Малороссийская коллегия») и «Войско

Запорожское» в номенклатуре гетманской администрации. Власть последней и/или вынесенных на местность центральных органов территориального управления не распространялась на отдельные учреждения, социальные, этнические и религиозные группы с четкой территориальной привязкой, которые приобретали статус экстерриториальности. Таким образом, если понимать под Малороссией территорию действия определенных правовых норм, поддерживаемых определенным управленческим аппаратом, то эта территория не была сплошной.

По областной реформе 1708 г. территория Малороссии («десяти малороссийских полков») была включена в состав Киевской губернии¹⁴, которая простиралась от верховьев Сожи на севере до между-речья Ворсклы и Орели на юге, от Днестра на западе¹⁵ до левого берега Оскола на востоке.

По второй областной реформе 1719 г. Киевская губерния была разделена на четыре провинции, — малороссийские полки вошли при этом в состав Киевской провинции. В 1727 г. из Белгородской провинции Киевской губернии была создана отдельная Белгородская губерния, в которую из состава Киевской в том же году были переданы Севская и Орловская провинции.

Время выделения из состава Киевской губернии земель на север от малороссийских полков¹⁶ остается под вопросом. С одной стороны, в табели губерний 1719 г. упоминается Рославльский уезд Смоленской провинции Рижской губернии, а в табели губерний 1745 г. — Рославльский уезд Смоленской губернии. Кроме того, российский статистик К. Арсеньев утверждает, что после отделения трех восточных провинций в 1727 г. «собственно же Киевская губерния осталась при 10 полках Малороссийских казаков»¹⁷. С другой стороны, на географической карте, составленной где-то между 1727 и 1745 гг., земли Рослава и его округа все еще значатся в границах Киевской губернии¹⁸.

Таким же спорным остается в историографии вопрос южных границ Киевской губернии. Если Е. Зябловский и К. Арсеньев считают, что в состав Киевской губернии входили Запорожская Сечь и Новая Сербия («причислялись»), а также часть Старой Украинской линии («принадлежала»)¹⁹, то, по мнению В. Кабузана, Новая Сербия, также как Славяно-Сербия и Новослободский казачий полк «не входили административно в состав каких-либо губерний России и не

разделялись на уезды. Эти территории подчинялись непосредственно Сенату и Военной коллегии»²⁰.

После создания Малороссийской коллегии (10.11.1764) происходит территориальное размежевание Малой России и Киевской губернии, — на протяжении последующих одиннадцати лет (1764–1775) киевская губернская администрация не только де-факто, но и де-юре контролировала лишь Киев с окрестностями, таможни на польской границе и раскольников в Малой России. Именным указом Сенату от 20 октября 1775 г. киевская губернская канцелярия была ликвидирована²¹, а контроль над раскольниками, киевским магистратом и киевскими окрестностями («той пограничной страной») передавался «Малороссийскому Правительству» и лично малороссийскому генерал-губернатору П. Румянцеву²²; 8 сентября 1780 г. ему же были подчинены таможни с заставами²³.

«Поглощение» Малороссией губернского центра и остатков Киевской губернии в целом растянулось на 16 лет и имело при этом довольно неопределенные последствия с точки зрения осознания Киева как неотъемлемой части Малороссии. Собственно «присоединение» Киева к Малороссии (20.10.1775) аргументировалось не традицией, а исключительно управленческой целесообразностью («по настоящему времени, для лучшего порядка в управлении»), и два десятилетия спустя современники отмечали сомнительный статус Киева как не вполне малороссийского города²⁴, пока Павел I, восстанавливая «исторические» территориальные границы Малороссии (30.11.1796), не решил «город Киев с его окружностью, по положению его за рекой Днепром, от Малой России отделить для того, что к оному особая Губерния из возвращенных к Империи Нашей от Польши земель приписана будет»²⁵, т.е. не восстановил статус-кво территории Киева и его окрестностей на момент появления указа от 20 октября 1775 г.²⁶.

Рубежи собственно *Малороссии* («10 полков Малороссийских казаков») определялись польско-российскими межгосударственными границами 1638 г. (восточный рубеж) и 1667–1686 гг. (западный рубеж). Размежевание 1719–1727 гг. сначала провинций, а затем и губерний Киевской и Белгородской окончательно закрепило *восточный рубеж* Малороссии²⁷.

С установлением российского контроля над «заднепровскими местами» (1732, 1793–1795) практиковалось непродолжительное

включение в *западные рубежи* Малороссии бывших польских владений, которые вряд ли были концептуированы в качестве части Малороссии. Так, к малороссийским Полтавскому (с 1741) и Миргородскому (с 1743) полкам были приписаны местности вокруг местечек Каменка, Мишурун Рог, Крылов (с 1754 г. — Новослободской казачий полк)²⁸.

Полстолетия спустя, во время подготовки к аннексированию империей правобережных земель (1792) высказывалось мнение о необходимости присоединить к «малороссийским» Киевскому и Черниговскому наместничествам «из новых те уезды, поветы или иного звания земли, кои поблизости удобнее; например, ... Мозырский округ и часть Воеводства Киевского присоединены могут быть к Черниговской и Киевской Губерниям»²⁹. По результатам 3-го раздела Речи Посполитой это намерение было уточнено, — в состав Киевского наместничества вошла восточная часть бывшего Киевского воеводства (от Припяти на севере до Роси и Горного Тикича на юге), а вот в состав Черниговского — Речицкий округ на правом берегу Днепра (от Припяти на юго-западе до Березины на северо-востоке) вместо Мозырского (последний отошел к Минскому наместничеству)³⁰. Однако, уже 29 августа 1797 г. при окончательном определении «исторических» границ Малороссийской губернии Речицкий уезд³¹ был присоединен «для удобства» к Минской губернии³².

За *южный рубеж* Малороссии с 1687 г. продолжался спор казаков «малороссийского» Полтавского полка с запорожскими казаками из-за владения местностью между Орелью и Самарой. Запорожская сторона при этом ссылалась на апокрифический универсал Б. Хмельницкого, по которому по Орели проходил южный рубеж Полтавского полка³³. В конце концов, именно по Орели была проведена граница между малороссийскими и запорожскими землями после возвращения запорожцев в российское подданство (1733), как отмечает новороссийский военный и гражданский губернатор Н. Бердяев в письме от 31 января 1797 г.: «Я соображаю той самой границе которая существовала между Малороссиею и войском Запорожским, до отделения в 1736 году Старой Линии под Ландмилицкие полки³⁴, а потом в 1764 Году к Новороссийской губернии»³⁵. Окончательное, теперь уже номинальное, размежевание Малороссии и Запорожской Сечи произошло в 1754 г., когда по просьбе запорожской старшины

(«состояла под ведомством Гетмана») К. Разумовский издал универсал о запрещении использования в номенклатуре гетманской администрации понятия «Войско Запорожское» и замену его понятием «Малороссия»³⁶.

После размежевания Киевской губернии и Малой России (10.11.1764) и учреждения Новороссийской губернии (22.03.1764) в пользу последней³⁷ на протяжении следующих трех десятилетий произошел целый ряд территориальных трансферов, которые включали земли в междуречье Орели и Сулы³⁸:

– 2 сотни Миргородского полка (06.09.1764)³⁹;

– 2 сотни Миргородского, 2 сотни Лубенского, 2 сотни Переяславского, а также отдельные частные имения на территории Миргородского и Черниговского полков (ориентировочно, конец 1764 – начало 1765 гг.);

– 13 сотен Полтавского полка (26.02.1765)⁴⁰;

– 2 сотни Миргородского и 5 сотен Полтавского полка (20.10. – 17.12.1775)⁴¹;

– части Градижского и Голтвянского уездов Киевского наместничества с уездными центрами включительно (13.08.1785)⁴²;

– части Градижского и Голтвянского уездов Киевского наместничества (30.04.1789)⁴³;

– Хорольский и Миргородский уезды (27.01.1795)⁴⁴.

Как следствие, Екатеринославское наместничество на момент его ликвидации в 1796 г. поглотило земли двух полков бывшей Малороссии целиком (Полтавский и Миргородский) и еще двух полков частично (юго-восточная часть Лубенского и южная часть Гадяцкого полков). Аргументация трансферов использовалась патерналистско-рационалистическая («сообразив чувствуемые жителями изнеможения, с тою пользою, каковая по пограничности оных ожидаема быть должна»⁴⁵).

«Формула поглощения» малороссийских земель была впервые зафиксирована в прошении старшины, выборных казаков и владельцев с их подданными из сотенных местечек Власовки, Кременчуга и села Рылеевки (08.1764): «Нас целыми вышеозначенными местечками к Новороссийской Губернии, оставя нас при прежних наших землях и угодиях, под единое право и команду соединить»⁴⁶. Та же установка новороссийской администрации на административно-правовую унификацию присоединенных земель была подтверждена во время

трансфера 1775 г. («остаток Полтавского полка, из которого некоторая часть под правом Новороссийской Губернии уже состоит»⁴⁷).

Однако, несмотря на (очевидно, неудачную⁴⁸) унификационную установку, новороссийская администрация сохраняет представление об обособленности присоединенных территорий («несколько Малороссийских местечек»⁴⁹, «подшедшие из Малороссии»⁵⁰, «за возвращение к Малой России отделенных уездов») вплоть до обратных трансферов⁵¹:

— 2 сотни Миргородского, 2 сотни Лубенского, 2 сотни Переяславского, а также отдельные частные имения на территории Миргородского и Черниговского полков (26.02.1765)⁵²;

— Хорольский, Миргородский, Полтавский, Градижский уезды, части Алексопольского и Константиноградского уездов (с уездными центрами) Екатеринославского наместничества (30.11.1796)⁵³;

— часть Новомосковского уезда Екатеринославской губернии (27.03.1803)⁵⁴.

Провал собственно правовой унификации присоединенных малороссийских территорий зафиксировал Высочайше утвержденный доклад Сенату от 10 сентября 1781 г., в котором «от Сената Новороссийской Губернской Канцелярии предписано, тех мест жителей дела решать по Малороссийским правам»⁵⁵. То есть вместо «нормальной» схемы апелляции: губернская канцелярия — юстиц-коллегия — 2-й департамент Сената, для населения «малороссийской» части Новороссийской губернии предлагалась иная схема (аналогичная малороссийской): губернская канцелярия — 3-й департамент Сената.

Относительно территории открытых в 1782 г. Новгород-Северского, Черниговского и Киевского наместничеств английская исследовательница И. де Мадариага высказала мысль, что с введением «Учреждения для управления губерний» 1775 г. на землях малороссийских полков «должно было исчезнуть само понятие «Малороссия». Вместо нее возникли три губернии, которые непосредственно подчинялись российской короне и не имели между собой никаких организационных взаимосвязей, хотя все три возглавлял один наместник»⁵⁶. Однако, в законодательных актах и делопроизводственных материалах не находим этому подтверждений, — напротив, в имперском законодательстве 1782–1796 гг. широко используются понятия вроде «Малороссийские судебные места»⁵⁷, «Малороссия»⁵⁸,

«Малороссийские губернии»⁵⁹. Географы и статистики того времени А. Шафонский (1786)⁶⁰ и С. Плещеев (1787)⁶¹ также широко используют понятие «Малой России» в значении территории трех наместничеств.

Выделение в отдельную территориальную единицу и, одновременно, объединение в административной практике всего комплекса земель, которые географическое воображение XVIII в. считало «малороссийскими», произошло на тех же историко-правовых основаниях, что и собственно «осознание Малороссии» — как территории бытования определенных правовых норм, поддерживаемых определенным управленческим аппаратом. Запустила этот процесс административно-территориальная реформа 1796–1797 гг., которой «даровано Малой России почти первообразное ея устройство»⁶², предусматривавшее, в частности, «быть одной Губернии в городе Чернигове, причисляя к оной отделенныя к Новороссийской, что потом названа Екатеринославскою, Губернии, Полтавский бывший полк, також от бывшего Миргородского полка город Кременчуг с прочими местечками и селениями, а равномерно и уезды, после того к Екатеринославской же Губернии отделенные»⁶³. А завершил осуществленный по инициативе малороссийского генерал-губернатора князя А. Куракина территориальный трансфер 1803 г., который включил в состав Малороссийской Полтавской губернии «пространство между реками Берестовою и Орелою лежащее, дабы тем восстановить древние пределы Малороссии, соединить и сию издревле принадлежавшую к ней часть под единое управление и права, коими прочие обыватели ея пользуются и вместе с тем доставить Земской Полиции более удобства и средоточия в ея действии»⁶⁴.

Малороссия, концептуализация

В первой половине XIX в. понятие «Малороссия» обозначает в административной практике территорию двух губерний — Черниговской и Полтавской⁶⁵, чему находим многочисленные подтверждения в законодательных актах: «обеих Малороссийских губерний» (14.12.1826)⁶⁶, «о замене Магдебургского Права в Малороссии Литовским Статутом и общими Российскими узаконениями» (03.02.1831)⁶⁷, «Губернским Начальствам присоединенных

от Польши, также Малороссийских и Остзейских Губерний» (23.02.1831)⁶⁸, «в Губерниях Малороссийских, Полтавской и Черниговской» (06.12.1831)⁶⁹, «об уничтожении в Малороссийских губерниях должностей Подкомориев, Коморников, Возных и Хорунжих» (16.01.1834)⁷⁰, «собрать и привести совершенную ясность все древние постановления, которые на основании дарованных Малороссийскому краю Предками Нашими особых прав, сохраняют доселе в губерниях Черниговской и Полтавской свою силу и действие» (04.03.1843)⁷¹.

Следом за законодателем, представление о единстве двух малороссийских губерний и, определенным образом, отличии их от восточных (Слободско-Украинская / Харьковская губ.), южных (Екатеринославская губ.) и западных (Киевская губ.) регионов разделяли заезжие администраторы (И. Долгоруков, В. Левашов⁷²), местные помещики (С. Кочубей, В. Пассек) и отдельные российские географы (И. Павловский⁷³, К. Арсеньев⁷⁴).

Со стороны государства «вызовом» для геоконцепта «Малороссия» на сформированных в XVIII в. историко-правовых основаниях стал отказ имперской администрации от территориального принципа управления в пользу отраслевого, который повлек за собой игнорирование ведомственным делением единства и обособленности территориальной основы геоконцептов. В результате некоторые ведомственные округа равнялись отдельно Полтавской и Черниговской губерниям (медицинские управы⁷⁵), некоторые «растворяли» их в массу прочих губерний (университетские округа 1803 г.⁷⁶, округа водных и сухопутных сообщений 1809 г.⁷⁷, почтовые округа 1810 г.⁷⁸, округа лесного хозяйства 1842 г.⁷⁹), а кое-какие при этом еще и разделяли их (области временного ополчения / милиции 1806 г.⁸⁰, внутренней стражи 1817 г.⁸¹, университетские округа 1832 г.⁸²).

В свою очередь интеллектуалы начинают «переопределять» геоконцепт «Малороссия», используя при этом историко-этнографические критерии. Если раньше речь шла о подведении административных границ под сферу правовых норм (или ее рационалистическое игнорирование), то теперь начались поиски бытования этноса в разные времена, соответствие «исторической» территории бытования этноса нынешним границам его расселения и территории, которая административно «закреплена» за этим этносом. Одним словом, территориальную основу геоконцепта «Малороссия»

после рубежа XVIII–XIX вв. определяют «малороссы», а не «малороссийское право».

Для геоконцепта «Малороссия» это привело к разнонаправленным (а)синхронным процессам ретерриториализации, которые проявлялись в разделении, смещении, расширении и замещении территориальной его основы.

Разделение. Еще А. Шафонский (1786) выделял северную и южную части Малороссии, — «южная заключает в себе всю Киевскую и ту часть Черниговской губернии, которая между реками Десною, Пслон и за оным лежит; к северной ее части принадлежит вся Новгородская-Северская губерния», — которым отвечают разные климатические зоны («лес», «степь»), языковые диалекты одного «славяно-русского языка» и т. п.⁸³

В конце XVIII – первой четверти XIX вв. это разделение абсолютизируется и связывается с наличием двух разных этнографических групп. Я. Маркович (1798) и А. Лёвшин (1816) «находят» в двух частях Малороссии «литвинов» и «украинцев», а О. фон Гун — «две страны» (т. е. территориальную основу двух новых геоконцептов): «Украиною называют здесь часть, начинающуюся от реки Сейм и Десны, а та часть, лежащая между Российской границы и сих рек, называется Литвою. Но не одним только названием различаются страны сии; они различаются всем, как-то: наречием, обычаями, одеждою и самым даже видом людей, жизнью их, земледелием и кряжем земли, одним словом так, что, переехав Сейм, кажется, въедешь в другую землю»⁸⁴.

Расширение. Представление о возможной изменчивости территориальной основы геоконцепта, несоответствие пределов исторического расселения «малороссов» территории, закрепленной за ними в административной практике, приводит к поискам «исторической» Малороссии вне границ двух малороссийских губерний, определенных окончательно в 1803 г.⁸⁵ В частности, допускается, что «историческую» Малороссию составляли земли тогдашней Харьковской губернии (П. Сумароков⁸⁶, Е. Зябловский⁸⁷) или ее части (И. Павловский⁸⁸), Киевской (К. Арсеньев⁸⁹, И. Павловский⁹⁰), Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Подольской губ. (С. Кочубей⁹¹, И. Павловский⁹²).

Не исключено, что именно эта «воображаемая география» интеллектуалов приводит к административному переопределению института малороссийского генерал-губернатора, — сначала к слухам (или

даже проекту) о присоединении Киевской губернии (1831)⁹³, а потом к появлению института харьковского, черниговского и полтавского генерал-губернатора (1835–1856).

К середине XIX в. представление о территориальной основе геоконцепта «Малороссия» теряется, образ расплывается, вплоть до заявлений о том, что «в той же Малороссии, какая она теперь, [...] нет ни границ, ни литературы, ни политических идеалов, годных к осуществлению, ни отдельных от остальной России интересов, нет даже высшего класса с особенной цивилизацией, — словом не существует ничего такого, что могло бы само по себе создать, без пособия центра, даже сильную провинциальную жизнь»⁹⁴.

Смещение. Выделение «Литвы» и «Украины» в составе геоконцепта «Малороссия» приводит к отождествлению «исторической» Малороссии лишь с южной частью, т. е. «Украиной», что оставляет так называемую «Литву» вовсе за пределами геоконцепта, как, например, у И. Павловского Малороссия «простиралась от южной части губ. Черниговской, до южной границы Полтавской»⁹⁵.

Замещение. Отождествление «Малороссии» с «Украиной» имело еще одно важное последствие. Оно создавало благоприятные условия для следующей аналитической операции — постепенного отождествления «малороссийской» «Украины» (сначала ее этноса, а потом и территориальной основы) с другими, уже известными на тот момент «Украинами», причем не в далеком прошлом, а в современности — «Польской Украиной» (П. Вигель⁹⁶, К. Арсеньев⁹⁷), «Русской Украиной» (С. Кочубей⁹⁸, К. Арсеньев⁹⁹) и «Новороссийской» (Н. Корж¹⁰⁰), и последующего вытеснения геоконцепта «Малороссия» новым геоконцептом «Украина», ретерриториализация (концептуализация) которого пришлось уже на рубеж XIX–XX вв.

* * *

Наличие изменчивой территориальной основы, топонима и образа позволяет интерпретировать «Малороссию» как геоконцепт, который подлежит концептуированию и концептуализации. Процессы локализации (концептуирования) геоконцепта приходится на XVIII в., а ретерриториализация (концептуализация) — на первую половину XIX в.

Концептуирование «Малороссии» предусматривало локализацию территории (административное и «воображаемое» отделение от

Речи Посполитой, Киевской губернии, Запорожской Сечи и Новороссии), утверждение топонима (отказ от использования альтернативного понятия «Войско Запорожское»), определение образа сферой бытования права и соответствующего администрирования.

Концептуализация «Малороссии» определялась поглощением территории большими образованиями (ведомственными и генерал-губернаторскими округами), ретерриториализацией (процессы разделения, смещения, расширения и замещения территориальной основы) геоконцепта, конфликтом альтернативных топонимов («Малороссия» / «Украина»), определением образа сферой распространения этноса и (по инерции) историко-административной традицией. Именно последняя блокирует завершение концептуализации на новой (широкой) территориальной основе, что и приводит к вытеснению его на рубеже XIX–XX вв. геоконцептом «Украина»¹⁰¹.

Примечания

¹ Авторский перевод отредактированной версии статьи: *Галь Б.О.* Геоконцепт «Малоросія» на ментальних мапах XVIII – першої половини XIX ст. // *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*. Вип. 7. Київ, 2013. С. 93–109.

² Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. СПб., 1803. Ч. 1. С. 45.

³ «Карта не есть территория», 1931 г. (цит. по: *Колесник І.І.* Ментальне картографування та професія історика: між раціональним й уявленим // *Український історичний журнал*. 2012. № 5. С. 138).

⁴ *Замятина Н.Ю.* Концептуальные основы изучения региональных образов // *Региональные исследования*. 2011. № 2(32). С. 34–35; *Калуцков В.Н.* Геоконцепты в географии // *Культурная и гуманитарная география*. 2012. Т. 1. № 1. С. 27. Текст доступен по адресу: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/27>.

⁵ *Калуцков В.Н.* Геоконцепты в географии. С. 28.

⁶ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования М.: НЛО, 2006. С. 73.

⁷ [*Шафонский А.Ф.*] Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России из частей коей оно наместничество составлено. Киев, 1851. XII+697 с.

⁸ [*Зябловский Е.*] Землеописание Российской империи для всех состояний, Санктпетербургского Педагогического Института Ординарного Профессора Евдокима Зябловского. СПб., 1810. Ч. III. 58 с.; [*Арсеньев К.*] Статистические очерки России. Сочинение Константина Арсеньева. СПб., 1848. 503 с.; *Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Том первый. М., 1902. С. 1, 272–284; *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой

половине XIX века (1719–1858). М., 1976; *Пірко В.* Заселення Степової України в XVI–XVIII ст. Донецьк, 1998; *Галь Б. О.* Особливості адміністративного районування межириччя Орлі і Сули (друга половина XVIII – початок XIX ст.) // *Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки: Науковий щорічник.* Вип. 8. Дніпропетровськ, 2011. С. 10–27. Текст доступен по адресу: <http://ikr.nmu.org.ua/pdf/2011/3.pdf>.

⁹ *Шандра В. С.* Малоросійське генерал-губернаторство, 1802–1856: функції, структура, архів. Київ, 2001. С. 14; *Мауцзато К.* Ядро или периферия империи? Генерал-губернаторство и малороссийская идентичность // *Український гуманітарний огляд.* Вип. 7. Київ, 2002. С. 69–82; *Мауцзато К.* Рец. на кн.: Валентина Шандра. Малоросійське генерал-губернаторство 1802–1856. Функції, структура, архів. Київ: Держ. ком. архівів України, 2001 // *Ab Imperio.* 2002. № 2. С. 605–616.

¹⁰ *Толочко П.* Русь – Мала Русь – руський народ у другій половині XIII – XVII ст. // *Київська старовина.* 1993. № 3. С. 3–14; *Яковенко Н.* Вибір імені versus вибір шляху (назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст.) // *Міжкультурний діалог.* Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. С. 57–95; *Толочко П.* Україна і Русь в літописі Самовидця // *Київська старовина.* 1992. № 3. С. 7–10; *Кравченко В. В.* «Росія», «Малоросія», «Україна» в російській історіографії другої половини XVIII – 20-х років XIX ст. // *Збірник Харківського історико-філологічного товариства: Нова серія.* 1995. Т. 5. С. 3–16; *Ясь О. В.* Мала Русь [Електронний ресурс] // *Енциклопедія історії України:* Т. 6: Ла-Мі. Київ, 2009. Текст доступен по адресу: http://www.history.org.ua/?termin=Mala_Rus;ЛитвиноваТ.Ф. «Поміщицька правда». Дворянство Лівобережної України та селянське питання наприкінці XVIII – у першій половині XIX століття (ідеологічний аспект). Дніпропетровськ, 2011. С. 77–82; *Дзюба О.* «Україна» і «Малоросія»: слова і поняття в українській мемуарній літературі XVIII ст. // *Україна в Центрально-Східній Європі.* Вип. 15. Київ, 2015. С. 42–52.

¹¹ *Синицький Л.* Малороссия по рассказам путешественников конца прошлого и начала нынешнего столетия // *Киевская Старина.* 1892. Т. XXXVI. Февраль. С. 226–259; *Синицький Л.* Путешествия в Малороссию академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукого // *Киевская Старина.* 1893. Т. XL. Февраль. С. 274–292; Март. С. 412–441; 1893. Т. XLI. Апрель. С. 29–49; *Соловьев А. Ю.* «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – начала XIX веков. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011; *Ибнеева Г. В.* Путешествия Екатерины II: опыт освоения имперского пространства. Казань, 2006; *Мельцин М.* Памятные места Украины в мемуарах и путевых заметках кн. И. М. Долгорукова: знаменитое и лично значимое // *Київська старовина.* 2010. № 2. С. 133–141; *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Київ, 2012; *Шаталов Д. В.* Українське козацтво очима російських мандрівників початку XIX ст. // *Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки: наук. щорічник.* Дніпропетровськ, 2013. Вип. 10. С. 195–204.

¹² Т. е. такую, которая управляется иначе (на основе других правовых норм), чем центр и провинция.

¹³ Авторы табели губерний 1719 г. предполагали, но, похоже, не преуспели в заведении линейного деления территории: (Киевская) губерния – (Киевская) провинция – (Киевский, Переяславский, Нежинский, Черниговский, Переволочанский, Полтавский) уезды.

¹⁴ Вопрос размежевания полномочий малороссийской администрации и киевской губернской канцелярии (1708–1782), фактически, лишь поставлен в историографии,

см.: Лазарев А. Я. Проблема соотношения Киевской губернии и Гетманской Украины в годы петровских реформ в российской историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 89–98.

¹⁵ На правом берегу Днепра в состав Киевской губернии входило междуречье Ирпеня и Стугни, а также Карантин возле Василькова и околицы Триполья на правом берегу Стугни.

¹⁶ Местечко Рославль находилось почти в центре этой части Киевской губернии.

¹⁷ Правда, следующий его тезис — «главою коих был Гетман, имевший пребывание свое в городе Батурине» — ставит под сомнение корректность всего данного утверждения ([Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 73, 82).

¹⁸ Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том генеральною картою Великия сея Империи, старанием и трудами Императорской Академии Наук. СПб., 1745. Л. 22.

¹⁹ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 120–121; [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 86, 82.

²⁰ Кабузан В. М. Заселение Новороссии. С. 52.

²¹ Исходя из данных «Месяцословов», киевская губернская канцелярия функционировала до открытия Киевского наместнического правления (1782).

²² Именной, данный Сенату. О присоединении города Киева к Малороссии. 20.10.1775 // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 223.

²³ Именной, данный Сенату. Об отдаче состоящих на границе в Губернии Малороссийской таможен, с принадлежащими к ним заставами в ведение и распоряжение тамошнего Генерал-Губернатора. 08.08.1780 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 15042. С. 969. Это едва ли не единственный случай, когда в законодательных актах упоминается Малороссийская губерния вместо Малой России. Тем не менее, в статистических описаниях того времени (Историческое и топографическое описание Киевской губернии с частным описанием городов и уездов оныя и с приложением карт как губернской, так городам и уездам, сочиненное по высочайшему повелению 1787 года января 20 дня // Описи Київського намісництва 70-80-х років XVIII ст.: Описово-статистичні джерела. Київ, 1989. С. 175) и в черновиках императрицы Екатерины II также встречается упоминание Малороссийской губернии (Собственноручный черновой манифест Имп. Екатерины II. (1778 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее — СИРИО). СПб., 1880. Т. 27. С. 164).

²⁴ Толочко А. Киевская Русь. С. 125–126.

²⁵ Именной данный Сенату. О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам. 30.11.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. С. 213.

²⁶ Возможно, более раннего периода, на что указывает появление должности киевского военного губернатора, управляющего гражданской частью Малороссийской губернии.

²⁷ «Вся восточная граница нынешней Черниговской губернии, издавна отделившая землевладельцев, живших при разных политических условиях, не была

нарушаема в течение последних трех веков (XVII–XIX)»: ([*Русов А. А.*] Описание Черниговской губернии. Составлено по поручению Губернского Земства членом Императорского Русского Географического Общества А. А. Русовым. Т. I. Чернигов, 1898. С. 20–21).

²⁸ Сенатский. — О причислении новопоселенных Заднепровских мест Российской империи к Миргородскому полку; об устройении там крепостей, и о запрещении допускать откупщиков в слободы, принадлежащие Миргородскому и Полтавскому полкам. 30.10.1843 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XI. № 8813. С. 943–944; *Пирко В.* Заселения Степной Украины. С. 53; *Кабузан В. М.* Заселение Новороссии. С. 51, 52.

²⁹ Именной, данный генералу Кречетникову. — О распоряжениях в Польских Облестах, занятых Российскими войсками. 8.12.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17090. С. 388.

³⁰ Именной, данный Сенату. — Об учреждении, в Киевском и Черниговском Наместничествах уездных городов из местечек и об открытии там присутственных мест; об образе удовлетворения владельцев, коим местечки сии принадлежали; и о наполнении их потребными чиновниками. 29.10.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17526. С. 966.

³¹ Законодатель последних лет правления Екатерины II использует понятия «уезд» и «округ» как синонимичные.

³² Высочайше утвержденный доклад Сената. — О назначении границ губерниям: Новороссийской, Киевской, Минской, Волынской, Подольской и Малороссийской и о разделении их на уезды. 29.08.1797 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 18177. С. 706–710.

³³ *Яворницкий Д. И.* История запорожских козаков: У 3 т. Київ, 1990–1991. Т. 1. Київ, 1990. С. 29.

³⁴ Д. Яворницкий относит к 1746 г. решение «поселить на границе Украины девять ландмилицеских полков; для чего назначалось взять от юго-восточной границы Украины вглубь линии на 40, и за линию на 30 верст земли» (*Яворницкий Д. И.* История запорожских козаков. С. 44).

³⁵ Цит. по: *Галь Б. О.* Особливості адміністративного районування. С. 22.

³⁶ Сохранился и введен в научный оборот соответствующий универсал переяславскому полковнику С. Сулиме.

³⁷ А также созданных на этой территории Азовской губернии (1775) и Екатеринославского наместничества (1783).

³⁸ Подробнее см.: *Галь Б. О.* Особливості адміністративного районування. С. 10–27.

³⁹ Высочайше утвержденное прошение Малороссийских сотенных Старшин местечек Кременчуга и Власовки. О присоединении их местечек с жителями, землями и угодьями к ведомству Новороссийской Губернии. 06.09.1764 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVI. № 12236. С. 894–895.

⁴⁰ Именной, данный Графу Румянцову. — О возвращении в ведомство Малороссии местечек, вошедших по новому образованию в состав Новороссийской Губернии. 26.02.1765 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII. № 12339. С. 71–72.

⁴¹ Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдале в ведомство Новороссийской Губернии Миргородского полка местечек Поток и Омельник; и о присоединении к Азовской Губернии местечка Новые и Старые Водолаги, также города Тор с уездом. 20.10.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 221–222; Сенатский. — Об отдале в ведомство Новороссийской и Азовской Губерний Генерал-Губернатора Графа

Потемкина местечек Миргородского полка Поток, Омельник и Водолаг. 17.12.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14411. С. 326–327.

⁴² Именной, данный Генерал-Фельдмаршалу Князю Потемкину. — О назначении границ Екатеринославского Наместничества и Таврической области; о построении каменной дороги и мостов при Кизикирмене; о прорытии канала от Днепра в губу при Збурьевском ретраншаменте с пристанью; о поселении в Таврической области оставшихся за штатом церковнослужителей, Ставропольских Калмык и старообрядцов, о и позволении сим последним отправлять служение по старопечатным книгам. 13.08.1785 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXII. № 16239. С. 438–440.

⁴³ Подписанный Екатериною II указ Потемкину: утверждает границы между Екатеринославскою и Киевскою губерниями, на основании карты 1785 г., и повелевает поставить знаки на границе, на основании указа 1781 г. (30 апреля 1789 г.) // СИРИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 8.

⁴⁴ Именной, данный Сенату. — Об учреждении Вознесенской Губернии из части, отходящей от Брацлавской Губернии из земли, от Порты приобретенной, и из трех уездов Екатеринославского Наместничества: Херсонского, Елисаветградского и Новомиргородского. 27.01.1795 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17300. С. 641–644.

⁴⁵ Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче в ведомство Новороссийской Губернии Миргородского полка местечек Поток и Омельник; и о присоединении к Азовской Губернии местечка Новые и Старые Водолаги, также города Тор с уездом. 20.10.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 221.

⁴⁶ Высочайше утвержденное прошение Малороссийских сотенных Старшин местечек Кременчуга и Власовки. — О присоединении их местечек с жителями, землями и угодьями к ведомству Новороссийской Губернии. 06.09.1764 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVI. № 12236. С. 895; Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии, издаваемые под редакцией Н. П. Василенка. Вып. II. Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям, на двенадцать частей. Собрано в Правительствующем Сенате по малороссийской экспедиции 1786 года. Чернигов, 1902. С. 287.

⁴⁷ Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче в ведомство Новороссийской Губернии Миргородского полка местечек Поток и Омельник; и о присоединении к Азовской Губернии местечка Новые и Старые Водолаги, также города Тор с уездом. 20.10.1775 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14381. С. 222.

⁴⁸ В. Кабузан по поводу возможных причин указывает, что «искусственное включение каких-то частей этих районов в состав Новороссии не означало, что они сделались новороссийскими. Плотность, состав населения, его географическое размещение в Новороссии были совсем иными, чем в Малороссии или Слобожанщине» (*Кабузан В. М. Заселение Новороссии*. С. 63).

⁴⁹ Высочайше утвержденный доклад Генерал-Поручика Мельгунова. — Об учреждении, для вновь присоединенных к Новороссийской Губернии Провинций, четырех Канцелярий, и о построении моста у Кременчуга чрез реку Днепр. 26.03.1765 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII. № 12367. С. 102.

⁵⁰ Именной, данный Екатеринославскому Губернатору Каховскому. — Об учреждении Межевой Экспедиции при Екатеринославском Наместническом Правлении. 15.02.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17064. С. 353.

⁵¹ Именной данный Сенату. — О новом разделении государства на губернии. 12.12.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17594. С. 229.

⁵² Именной, данный Графу Румянцову. — О возвращении в ведомство Малороссии местечек, вошедших по новому образованию в состав Новороссийской Губернии. 26.02.1765 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XVII. № 12339. С. 71.

⁵³ Именной данный Сенату. — О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам. 30.11.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17594. С. 212.

⁵⁴ Именной данный Сенату. — О новом разделении Малороссийской губернии на поветы. 27.03.1803 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20684. С. 510.

⁵⁵ Высочайше утвержденный доклад Сената. — О вносе апелляций на решения Новороссийской Губернской канцелярии прямо в 3-й Сената Департамент, и о сроке, для сего назначенном. 10.09.1781 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. — Т. XXI. № 15224. С. 244–245.

⁵⁶ *Мадарица И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 495.

⁵⁷ Сенатский указ. — О введении употребления гербовой бумаги в Малороссийских Судебных местах. 22.04.1782 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15385. С. 493–495.

⁵⁸ Сенатский указ. — О небытии в Малороссии положенным по тамошним правам чиновникам, именуемым возными и подвойскими, поелику должность их по Учреждению о Губерниях возложена на Земские Суды, Земских Исправников и Городничих. 27.07.1782 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15478. С. 645; Именной, объявленный Генерал-Прокурором. — О судопроизводстве по уголовным делам в Малороссии, на основании, Учреждения для управления Губерний. 19.01.1783 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15643. С. 799; Именной, данный Генерал-Прокурору. — Об оставлении на прежнем окладе перешедших из Малороссии в Екатеринославскую Губернию разного звания людей; о причислении всех Цыган, в той Губернии живущих, к поселянам казенного ведомства; о взыскании с них поземельных денег и о незапрещении им записываться в мещанство и цехи. 28.05.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17048. С. 337–338.

⁵⁹ Сенатский. — О дозволении Дворянам пользоваться правом винокурения и продажею вина в Малороссийских Губерниях. 07.08.1791 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 16981. С. 246–247; Сенатский. — О совершении в Малороссийских Губерниях крепостных актов в Уездных Судах до 100 руб., а свыше 100 руб. в Гражданских Палатах. 10.10.1791 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 16991. С. 257–258; Сенатский. — О порядке продажи арестованных за долги Дворянских и мещанских имений в Малороссийских Губерниях. 11.12.1791 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17003. С. 284–286; Высочайше утвержденный доклад Сената. — Об отдаче оброчных статей, находящихся внутри городов малороссийских Губерний в предместиях и на выгонной земле, во владение тем городам, с исключением оных из оклада. 08.05.1792 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17045. С. 335–336.

⁶⁰ «Малая Россия, Европейской Российской Империи западно-южная часть, граничит к востоку с Курским, Харьковским и частью Екатеринославским, к югу или полудню с Екатеринославским наместничествами и Польскою Украиною или Подолиею, к западу с Великим Княжеством Литовским и Белорусским-Могилевским наместничеством, а к северу с Смоленским и Орловским наместничествами». Впрочем, у А. Шафонского отразился и процесс культурной и религиозно-правовой унификации империи: «А в существе Малая Россия вся, со всею Российской Империею, кроме губерний Рижской, Ревельской и Выборгской да некоторых областей Татарских, России принадлежащих, употребляет один язык и исповедует один закон» ([*Шафонский А. Ф.*] Черниговского наместничества топографическое описание. С. 3, 23).

⁶¹ «Новгород-Северское Наместничество <...> вместе с Черниговским и Киевским Наместничествами составляет Малороссию, и управляемо одним Генерал-Губернатором» (Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, учиненное Флота Капитана Святого Георгия Кавалером Сергеем Плещеевым. СПб., 1787. С. 122).

⁶² [Антоновский М.И.] Малороссийские козаки (бывшие) // [Георги И.Г.]. Описание всех обитающих в Российской государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4-х чч. Часть четвертая. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и владычествующих россианах, с описанием всех наименований козаков, так же История о Малой России и купно и Курляндии и Литве. СПб., 1799. С. 338.

⁶³ Именной данный Сенату. — О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам. 30.11.1796 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17594. С. 212.

⁶⁴ Именной данный Сенату. — О новом разделении Малороссийской губернии на поветы. 27.03.1803 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXVII. № 20684. С. 510. Обратим внимание на отличие от историко-географической логики трансфера 1803 г. мнение В. Кабузана, что «Новороссия лишилась не только приобретенных ею временно частей Малороссии [...], но и территорий, которые органически могли считаться частью этого района ([...] Константиноградский уезд и т. д.)» (Кабузан В.М. Заселение Новороссии... С. 63).

⁶⁵ Единство и обособленность двух губерний закрепляет существование института малороссийского генерал-губернатора (1801–1816) и военного губернатора (1816–1835).

⁶⁶ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Управляющим Министерством Внутренних дел. — О учреждении при Черниговском Губернском Правлении временной Экспедиции для решения дел накопившихся по 1826 год, и о прибавке в Земские Суды Черниговской и Полтавской Губерний по одному Заседателю. 14.12.1826 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1830. Т. I. № 746. С. 1304.

⁶⁷ Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров. — О замене Магдебургского Права в Малороссии Литовским Статутом и общими Российскими законами. 03.02.1831 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1832. Т. VI. Ч. I. № 4319. С. 119–122.

⁶⁸ Сенатский, по Высочайшему повелению. — Об именовании в бумагах Предводителями Дворянства всех тех лиц, которые, состоя в сих должностях, имеют в некоторых Губерниях различные названия. 23.02.1831 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1832. Т. VI. Ч. I. № 4382. С. 187.

⁶⁹ Именной, данный Сенату. — О присвоении присутственным местам Полтавской и Черниговской губерний, и лицам, в оных служащим, наименований, Учреждением о Губерниях для мест равных определенных. 06.12.1831 // ПСЗ РИ. Собрание 2-е. СПб., 1832. Т. VI. Отд. II. № 4992. С. 276.

⁷⁰ Именной, данный Сенату. — Об уничтожении в Малороссийских губерниях должностей Подкомориев, Коморников, Возных и Хорунжих. 16.01.1834 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1835. Т. IX. Отд. I. № 6718. С. 42.

⁷¹ Именной, данный Сенату, опубликованный 10 марта. — О введении в губерниях Черниговской и Полтавской общих о судопроизводстве постановлений Империи. 04.03.1843 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1844. Т. XVIII. Отд. I. № 16585. С. 115.

⁷² «Украина и Малороссия, находятся теперь не в том положении, которое бы удовлетворяло отеческому Вашему попечению» (Цит. по: Галь Б. О. Чернігівська, Полтавська та Харківська губернії середини 30-х рр. XIX ст. (за рапортами генерал-губернатора В. В. Левашова) // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 9–10: Patria. Харків, 2008. С. 203–204. Текст доступен по адресу: https://keui.files.wordpress.com/2010/12/16_gal.pdf).

⁷³ «Ныне собственно Малороссия заключает в себе губ. Черниговскую и Полтавскую; а Харьковская (прежде Слободско-Украинская) составляет так называемую Украину» [Павловский И.] География Российской Империи, составленная Иваном Павловским. Дерпт, 1843. Ч. 2. С. 8.

⁷⁴ [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 55, 92, 135.

⁷⁵ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 145–146.

⁷⁶ Там же. С. 145.

⁷⁷ Учреждение. — Об управлении водяными и сухопутными сообщениями. 30.11.1809 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXX. № 23.996. С. 1330.

⁷⁸ [Зябловский Е.] Землеописание Российской империи. С. 146–147.

⁷⁹ Высочайше утвержденная докладная записка Министра Государственных Имуществ. — О разделении лесов на шесть вице-инспекций. 26 января 1842 // ПСЗ РИ. СПб., 1844. Т. XVIII. Отд. 2. Прибавление к XVII тому. С. 2.

⁸⁰ Черниговская губ. — в III-й Области, а Полтавская в VI-й (Манифест. О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции. 30.11.1806 // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXIX. № 22.374. С. 892–897).

⁸¹ Черниговский губернский батальон — в 4-м Округе, а Полтавский в 5-м (Указ из Военной Коллегии. О распределении Внутренних Гарнизонных батальонов на округа и бригады. Апреля // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. XXXI. № 24615. С. 631–632).

⁸² Черниговская губ. в Киевском университетском округе, а Полтавская — в Харьковском (Именной, данный Сенату. Об учреждении Киевского Учебного Округа. 14.12.1832 // ПСЗ РИ. Собрание второе. СПб., 1833. Т. VII. № 5825. С. 903–904.).

⁸³ [Шафонский А. Ф.] Черниговского наместничества топографическое описание. С. 13–14.

⁸⁴ Цит. по: Толочко А. Киевская Русь. С. 123–124.

⁸⁵ «Хотя древние пределы Малой России были гораздо обширнее, как из выше описанного явствует, но как сей Край России тогда не назывался так же и *Малою Россиею*: то в сем наименовании, когда оное от Поляков произошло, и сколько обширности земли под оною тогда разумели, и где назначали пределы оной, и нельзя других мест, кроме настоящей Малороссийскою Губернию объемлемых назвать Малою Россиею, хотя судя по Народу Малороссийскому, заселяющему Губернии Слободско-Украинскую, Новороссийскую и почти все Киевскую, Волынскую и Подольскую и можно бы подумать, что и сии Земли должны называться Малою Россиею: но сие было бы не сходно с Истиною Историческою, а по тому *пределы настоящей Малой России суть пределы Губерний, граничащих с Малороссийскою настоящей Губернию*» ([Антоновский М. И.] Малороссийские козаки (бывшие) // [Георги И. Г.]. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4-х ч. Ч. 4. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и владычествующих россианах, с описанием всех наименований

козаков, так же История о Малой России и купно и Курляндии и Литве. СПб., 1799. С. 338–339).

⁸⁶ *Шаталов Д. В.* Украинське козацтво. С. 196–197.

⁸⁷ [*Зябловский Е.*] Землеописание Российской империи. С. 119–121.

⁸⁸ [*Павловский И.*] География Российской Империи. С. 7.

⁸⁹ «Богдан Хмельницкий властвовал в обеих частях Малороссии в Приднепровской и Заднепровской» ([*Арсеньев К.*] Статистические очерки России. С. 92).

⁹⁰ [*Павловский И.*] География Российской Империи. С. 7.

⁹¹ «Малороссия, или коренные первоначальные жители ее, занимать могли землю по обеим сторонам Днепра: по левой стороне онаго, начиная от Переяславля, мимо Полтавы (примерно по существующему и ныне еще земляному валу или границе) и потом поворотив к вершине реки Орели, к Самаре и до Азовского моря; а по правому берегу онаго Днепра, тоже начиная, примерно, с противного берега Переяславлю и прямою линиею до устья сей реки, Днепра, протекавшего почти посреде сей земли Малороссийской, от-чего, весьма правильно назывались впоследствии начальники их, гетманы, владетелями обеих онаго берегов» (цит. за: *Галь Б. О., Швидько Г. К.* «Мысли мои о крае сем...» (С. М. Кочубей і його записки про Малоросію) // Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. VI. Харків-Київ, 2004. С. 109–110. Текст доступен по адресу: https://keui.files.wordpress.com/2010/12/08_gal_shvidko.pdf).

⁹² «А к западу от Днепра она занимала южную половину губ. Киевской, простираясь еще западнее, до Днестра; к ней принадлежал и табор Запорожцев» ([*Павловский И.*] География Российской Империи. С. 7.).

⁹³ Из письма малороссийского военного губернатора Н. Г. Репнина к миргородскому помещику А. Д. Хрушову от 1831 г.: «Служи, дошедшие и до вас о присоединении Киевской губернии к Малороссии несколько вероятно, но я весьма желал бы, чтобы они не сбылись, как по ослаблению уже физических сил моих, так и по обстоятельствам вам не безызвестным» (цит. по: *Павловский И. Ф.* К истории Малороссии во время генерал-губернаторства кн. Н. Г. Репнина (очерки, матерьялы, переписка по архивным данным) // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1905. Вып. 1. С. 151).

⁹⁴ *Лохвицкий А. В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения: В 2-х ч. СПб.: Тип. Бочкарева, 1864. Ч. 1. С. 17.

⁹⁵ [*Павловский И.*] География Российской Империи. С. 7.

⁹⁶ «Проезжая [...] через Богуслав, Корсунь, я не мог надивиться тому, что везде вижу православные церкви, везде слышу малороссийское наречие и только изредка встречаю поляков. Невежество мое, которое, впрочем, разделял я со всеми жителями внутренней России, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границею есть и было всегда настоящая Польша» (Записки Ф. Ф. Вигеля. 1891. Ч. I. С. 119. Цит. по: *Толочко А.* Киевская Русь. С. 125–126.)

⁹⁷ [*Арсеньев К.*] Статистические очерки России. С. 135.

⁹⁸ «Можно бы и губернии назвать: Украинскою Полтавскою и Укр. Черниговскою. Обе же губернии вместе сохранили бы название Малороссии, так как Могилевская и проч. вместе составляют Белоруссию; три губернии Новую Россию, десятки Великороссии и проч. и проч. <...> Малороссия так же называется Украиною, что самое, при совершенном земли сей смешении с Россиею, представляет справедливый способ смешать ее в составе Генерал-Губернаторства трех губерний, всех украинских, разую третью Слободско-Украинскую, с коею, следовательно Полтавско-Украинская

и Черниговско-Украинская образовали бы округу сию, населенную одним народом» (цит. по.: Галь Б. О., Швидько Г. К. «Мысли мои о крае сем...». С. 123).

⁹⁹ [Арсеньев К.] Статистические очерки России. С. 92.

¹⁰⁰ «В здешней-же украине, т. е. в Екатеринославской и Херсонской губерниях» (цит. по: Кавун М. Свидетель путешествия императрицы «Екатерининская миля» // Realnest. Недвижимость в движении. 22.12.2004. Вып. 55. Текст доступен по адресу: <http://www.realnest.com.ua/information/articles/181>).

¹⁰¹ «Гермин «малороссийский народ», или «малорусский», мы заменяем словом «украинский» в виду большей общности последнего, так как под «Малороссиею» разумеются официально Черниговская и Полтавская губернии, — может быть, с небольшою частью Харьковской» (Русов А. Статистика украинского населения Европейской России // Украинский народ в его прошлом и настоящем. В 2-х тт. Петроград, 1914. Т. 2. С. 381).

*О.Б. Неменский
(Москва)*

**Политические игры с русским именем
в Австро-Венгрии
(по материалам стенограммы
судебного процесса 1882 г. над Ольгой Грабарь
и товарищами)**

Народное имя, этноним, никогда не бывает чем-то самоочевидным. Чаще всего неизвестно или спорно и его происхождение, и его значение. Хотя оно обыкновенно является важнейшей составляющей самосознания людей, границы их общности определить очень трудно даже им самим. То же можно сказать и о критериях определения того, кого можно считать «соплеменником». Этническое имя — это так или иначе просто набор звуков, всё значение которого в его историчности: в большинстве случаев никто не помнит, кто и когда себя так первым стал называть, но это и не важно, главное, что так называли себя бесчисленные поколения. Именно через этот набор звуков осуществляется ассоциация себя с предками, и именно к нему прикрепляется историческая память. Такое имя делает всех тех, кто себя им называет, вообразимым субъектом со своей судьбой-историей. И хотя в сознании этот субъект представляется цельным (на то он и имеет своё имя), в реальности эту цельность очень трудно, а иногда и невозможно уловить: общность между людьми с одним этнонимом основана на передаваемой

из поколения в поколение памяти о далёком прошлом, а не на современном положении.

В донациональную эпоху этноним переживает сложную судьбу: его значение обыкновенно сильно варьируется в зависимости от общей структуры идентичности его носителей, их социального слоя, места проживания и в целом культурной эпохи с её специфическими формами и стратегиями идентификаций. Носители одного этнонима могут отказывать друг другу в праве на него, так как этого требуют их критерии «своего». И считать ли их представителями одного «народа» — вопрос свободного выбора наблюдателя (в т. ч. исследователя), принимаемых им самим критериев, также обусловленных его культурой и теоретическими предпочтениями. Это в равной мере применимо как к историку (т. е. человеку, пытающемуся описывать что-то в прошлом), так и к их современнику, не разделяющему ту же идентичность и смотрящему на нее со стороны.

Этнические имена, даваемые другим, чужим общностям (экзоэтнонимы) отражают восприятие, которое ни по качеству, ни по объему не совпадает с самоназванием, потому что артикулируется в ином культурном контексте и встраивается в другие структуры идентичности и номинационные системы. Более того, там, где носители данного самоназвания могут видеть тождество, сторонний наблюдатель может усмотреть различие, и наоборот — вовсе не увидеть актуальные изнутри различия как не имеющие для него значения. Внешнее имя отражает как специфику культуры самого субъекта номинации, так и опыт прежних номинаций, накопленный в его общности за всю историю контактов.

В XIX и XX вв., в «век национализма», когда создание общностей на основе этнонимов стало результатом не просто событийной истории, а сознательной политики властей и культурных элит, этнонимия превратилась в один из основных инструментов создания наций. Однако у этого процесса есть не только внутреннее выражение, но и внешнее: доводя через систему образования и информационную политику до сознания людей образ своего единого народа, его истории, границ и прочих свойств, им нужно и предлагать образ соседних народов, обладающих примерно всем тем же составом характеристик плюс своеобразной оценкой их качеств. Экзонимы становятся орудием конструирования образа других, а, значит, и основой для любых дальнейших стратегий отношений с ними. При этом различные варианты номинаций могут служить основанием своего самосознания,

оправданием истории взаимоотношений или обоснованием агрессии. И эта ситуация может выходить за рамки просто «соседских отношений», когда объект номинации оказывается зависимым, по крайней мере, когда-то в прошлом и хотя бы частично. Этнонимия становится полем информационных войн, столкновения исторических политик, сферой взаимных претензий. Даже вариации имён друг друга, отдельные буквы или формы слова превращаются в предмет ожесточённых дискуссий и способ психологического воздействия. В конечном счёте, обращение с этническими / национальными именами становится составной частью этноцидных практик.

В случае с русским этнонимом ситуация оказалась особенно сложной, так как сама история его употребления, как и история восточнославянских территорий, имела очень много разрывов и вариаций. Игра с именем «Русь», его производными и его выражениями в других языках имела своё начало в вариациях употребления его грекоязычного и латиноязычного аналогов — Россия (Ρωσία) и Рутения (Ruthenia), и, соответственно, производных от них этнонимов «россияне» и «рутены».

Отдельная тема — использование в политических целях различных грамматических вариаций русского этнонима, то есть без замены корня на грецизированные или латинизированные варианты, но с использованием тех или иных суффиксов или просто способов написания.

Политическая раздробленность территории Древней Руси после трагических событий XIII в. нашла яркое отражение в словоупотреблении у поляков¹. В польском языке жителей Московской Руси с XVI в. стало привычно называть «Moskwa» в качестве этнонима — «москва», и отсюда же «Moskale» («москалы»). Этнонимы с корнем «рус-» применялся в основном к православному и униатскому населению Речи Посполитой. Сложилось представление, что «Русь» была полностью подчинена Польшей, а за восточными границами жил другой, московский народ. Впрочем, осознание того, что «москва» тоже считает себя «русью», сохранялось и заметно проявилось в период наступательных военных кампаний начала XVII в., однако позже вновь стало малоактуальным. Номинативное разделение Руси по крайней мере на две части утвердилось в польской культуре. «Русский» этноним применялся именно к западнорусским реалиям вплоть до второй половины XX в., когда Советская Москва смогла навязать Польше употребление разделительных наименований

«Ukraińcy» и «Białorusini». Впрочем, тогда же, через повсеместное школьное изучение русского языка, в польский язык вернулось и осознание «москалей» как тоже «русских». Однако само слово «русский» и его производные (Ruscy, Rusek, guski и т. д.) к этому времени приобрели устойчивое пейоративное значение (схожую судьбу совершила в русском словоупотреблении традиционная форма этнонима «жид»). В то же время за бранным употреблением русского этнонима в современном польском языке можно увидеть и возрождённую общерусскую оптику, ведь такое наименование теперь в равной степени применялось и к русским, и к украинцам, и к белорусам. Если в прежних столетиях польская культура жёстко различала по имени восточную и западную части восточных славян, то теперь они опять стали объединяться под одним именем, однако лишь в разговорной речи, или в сознательно уничижительном словоупотреблении в публицистике и литературе (в т. ч. и в таких выражениях, как «новые русские» — «Nowi Ruscy»).

Однако с наименованием в польском языке «москалей» ещё прежде произошли большие перемены. Приблизительно в первой половине — середине XIX в. старое «Moskale» постепенно уступило место новой форме «Rosjanie» («россияне»). Слово «Россия» стало употребляться в восточнославянской среде ещё в XVI в. и распространялось как название своей страны как в Московском государстве, так и в Речи Посполитой. Даже униатские митрополиты нередко называли себя «митрополитами Киевскими и всей России». Имеющее греческое происхождение имя воспринималось как высокопарная форма самоназвания. Барочная культура побуждала к возвышенному слогу, и (особенно в XVIII в.) в области литературы и официальных документов слово «россияне» вошло в активное употребление, достигнув пика своей популярности в первой трети XIX в. Оно получило господствующее положение в тексте «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина — через эту форму этнонима историк обозначал не просто русских людей, но русский государственный народ, державных русских. Эта книга сразу приобрела значение основного синтеза русской истории и была очень быстро переведена на польский язык с сохранением формы этнонима («Rosjanie»)². Судя по всему, именно это привело к постепенной замене этнонима «Moskale» на «Rosjanie», чему также немало способствовало негативное отношение российской администрации к слову «москаль» и её

положительное отношение к имени «россияне», которое воспринималось как подчёркнуто уважительное.

Такая замена произошла очень легко, так как ни в коей мере не изменяла объём того сообщества, которое обозначалось обоими именами: Карамзин интересовался только той частью русской истории, которая попадала в сферу развития государственной жизни с центром в Москве, так что западнорусская история почти не нашла у него отражения. В результате слово «Rosjanie» стало употребляться в польском языке лишь в применении к восточнорусскому населению, западнорусское же по-прежнему называлось «русским».

В польской культуре произошла несвойственная русскому словопотреблению этнотерриториальная диссоциация двух этнонимов и его производных — русский и российский. Русские и россияне представляли как разные народы, при этом россияне в этом восприятии оказались в роли агрессоров на русских землях как исторически принадлежащих Польше. Если в русском самосознании «Россия» и «Русь» бытовали как синонимы и по-прежнему господствовал общерусский взгляд на историю, запечатлённый и в самом народном самоназвании, и в докарамзинском историческом нарративе (заданный в общих чертах киевским «Синописом» 1674 г.), то в польском сознании «Ruś» и «Rosja» оказались обозначением разных стран и разных народов.

Ситуация, в которой польский и русский язык пришли к совершенно разным системам номинации русского исторического пространства, даёт обоснования польскому и русскому национальному взгляду на историю, но предоставляет большие проблемы для перевода текстов с одного языка на другой. Обычно при изучении того или другого языков даётся пояснение, что всё, что в русском языке называется «русским», на польский надо переводить как «rosyjski». В переводе же с польского на русский надо следить, идёт речь об этнонациональных реалиях или о государственных. Однако за пределами банальных текстов о современности этот принцип не работает. На деле определением «российский» на польский язык следует переводить только те случаи употребления в русских текстах, когда речь идёт о чём-то, происходившем на территории современной России (точнее, Московского царства в границах конца XVI в.). Если же речь идёт о Древней Руси или о западнорусском регионе, то необходимо либо употреблять слово «ruski», либо «ukraiński» и «białoruski». Польская языковая культура вследствие различия этнонимических

понятий при описании чего-либо русского неизбежно конструирует образ особой российской этничности в историческом периоде начиная с XIII в. на землях волжско-окского междуречья и номинационно никак не связанной с остальным русским пространством.

Таким образом, перевод должен всегда исходить из наложения польской этнической картины мира на русскую с различением тех территориальных и культурных пространств, которые именно в польском воображении имеют «российскую» принадлежность. В воображении — потому что ни в самой русской культуре, ни в текстах соответствующих эпох такая принадлежность обыкновенно никак не выражена. Русская этническая идентичность на территории России для польского сознания просто отсутствует, а, например, фраза — «Какой процент россиян составляют русские?» — на польский язык дословно в принципе не переводима, как и почти все тексты, касающиеся русских национальных проблем и вопросов идентичности. Принципиальная неадекватность польского языка в его описании русских реалий составляет большое неудобство, иногда отмечаемое и поляками, однако служит важнейшим элементом польской национальной картины мира и патриотического самосознания, так как меняет всю историю субъектности польского пребывания на русских землях. Получается, что не поляки были историческими агрессорами на русских землях, а россияне издавна проявляли агрессию в отношении русских земель Польши.

Помимо игр с восходящим к греческому наименованию Руси слову «Россия», не менее древним является употребление имеющего латинский корень наименования «Ruthenia». С XIII в. это слово встречается в западноевропейских текстах как наименование Руси, хотя происхождение слова спорно, оно иногда употреблялось и в гораздо более ранних столетиях применительно к реалиям совсем иных территорий. Активное употребление этого экзонима связано с развитием католической миссии в Западной Руси в XVI–XVII вв., однако, использовалось оно наравне с понятием «Russia» как синоним, без особой политической нагрузки. Первые попытки политического использования этого слова связаны с национальной политикой Австрийской (позже Австро-Венгерской) империи середины — второй половины XIX в. В 1848 г. по решению губернатора Галиции графа Франца Стадиона «рутенами» были признаны восточнославянские жители провинции с тем именно основанием, что они должны

отличаться по наименованию от русских в России. Это был первый случай переименования западнорусского населения в политических целях, впоследствии воспроизведённый в украинстве. С тех пор идея отстаивания исторического самоназвания стала фоном общественной жизни Восточной Галиции, и вскоре этот вопрос дошёл и до судебных разбирательств.

Другой вариант политических игр с русским этнонимом — придание этнического значения различным грамматическим формам написания слова «русский». Самый частый случай здесь — различие записи его с одним или с двумя «с». В принципе, это вопрос характера нормализации — принимается ли фонетический принцип записи, существуют ли какие-то ещё специфические нормы грамматики, определяющие правильное написание (например, слияние двух одинаковых шипящих). «Русский» — это форма прилагательного с корнем «русь» и в разных языках она пишется по разным правилам. Для этимологического строя русского языка важно прописать и «с» в корне, и «с» в суффиксе; для фонетической записи украинского естественна форма «руський» (ведь в речи второе «с» не произносится) — при этом количество «с» в корне одно и то же, ведь корень тот же. При этом в текстах до утверждения обязательных литературных норм запись этого слова могла быть разной. Бывает, и на одной странице можно встретить и тот, и другой вариант. Даже в русском языке XIX в. следование одной норме иногда нарушалось. Например, одно «с» предпочитал писать в этом слове Н. М. Карамзин, причём для него важно было то, что это именно разговорная форма (это подчёркивалось просторечным окончанием «-ой» вместо «-ий» — «русской»). В. И. Даль в своём словаре «живаго великорускаго языка» настаивал на сохранении обоих вариантов, при этом с явным предпочтением более старого, с одним «с».

Идея придать различным написаниям слова «русский» этнодифференцирующий смысл вряд ли могла возникнуть в славянской языковой среде, так как отражает принципиально неславянское грамматическое мышление. Неудивительно, что первые предложения в этой области были высказаны австрийскими властями в Галиции. Форма написания «русский» с двумя «с» представлялась подозрительной и вызывающей обвинения в государственной измене именно потому, что соответствовала не польскому написанию «ruski» с одним «s», а принятому в России, в русском языке. Требование к восточным

славянам Галиции писать данный этноним сообразно с польскими, а не российскими правилами, вызвало орфографическое размежевание двух партий — русофилов, для которых оказалось идеологически значимым именно написание согласно московской норме, и местными «народовцами», украинофилами, утверждавшими этническую чуждость галичан и русских России.

* * *

Богатейший материал для истории политических игр с русским именем представляют материалы судебного дела «Ольги Грабарь и товарищей», прошедшего в 1882 г. во Львове. Это был первый организованный австрийскими властями политический судебный процесс против деятелей русофильского движения. Поводом для него стал инцидент в галицком селе Глинички, жители которого хотели получить свой приход. Отказ со стороны местных униатских властей побудил помещика, графа румынского происхождения и православного вероисповедания Иеронима Делла Скала (которому принадлежало село), посоветовать крестьянам перейти в православие с тем чтобы пригласить священника из Буковины³. Прошение, адресованное епархиальным властям обеих церквей, написал по просьбе крестьян то в время ещё униатский священник Иван Наумович — известный общественный деятель, придерживавшийся русофильских взглядов. В этом обращении православие называлось «верой наших отцов», и потому оно не могло не привлечь внимания властей Галиции. Первоначальное требование крестьян об униатском священнике быстро удовлетворили, но сама попытка перехода целого села в православие была расценена как опасный прецедент. Деятельность во Львове другого известного русофильского деятеля — Адольфа Добрянского — также вызвала обеспокоенность властей. Найденная при обыске переписка его дочери Ольги Грабарь с братом Мирославом, эмигрировавшим в Россию, стала основой для возбуждения дела по обвинению в государственной измене целого ряда деятелей русофильского движения края.

Стенограмма судебных слушаний, состоявшихся в 1882 г., была издана в том же году в типографии Ставропигийского института⁴, однако, к сожалению, до сих пор остаётся очень мало исследованной⁵. Особую ценность этому тексту придаёт то, что данный процесс был первым публичным разбирательством характера и основных идей русофильского движения, в котором рассматривались особенности

идейной жизни славянского населения края. Особенно это касалось отношения к Российской и Австро-Венгерской империям, а также общих представлений о своей истории и этничности. Многоязычный характер участников процесса требовал также уточнения основных понятий, их разъяснения. Впрочем, это касалось и таких слов, которые во всех используемых языках звучали примерно одинаково. Так, один из защитников (д-р Лубинский) даже в середине процесса считал нужным задавать свидетелям вопросы: «Обвинительный акт⁶ вменяет подсудимым, что они являются русофилами, и отмечает их дружественный настрой и симпатию к России; кто такие русофилы, разъясните, пожалуйста?»⁷.

Подсудимых обвиняли главным образом в пристрастии к «российскому панславизму», характеристике которого прокурор уделил в своей обвинительной речи особое внимание. По его словам, это была идея «славянского политического единства, т.е. российского политического панславизма». Она заключается в намерении создать «большое федеративное государство под гегемонией России, которое должно охватить все славянские племена Европы»⁸. Впрочем, политическая часть обвинения так и не была доказана, и суд присяжных смог признать подсудимых виновными только в «нарушении публичного спокойствия», за что они были приговорены к разным срокам (но не более восьми месяцев) тюремного заключения. Более того, это дело привлекло внимание общественности, что лишь способствовало росту популярности русофильских идей, став сильным толчком для многолетнего (хотя позже прерванного) процесса православного возрождения края.

Абсурдный характер обвинения подчеркивался и самими участниками процесса. Например, результаты обыска у о. Ивана Наумовича свидетельствовали, что он «занимается российской литературой и изучением православия»⁹, это трудно было признать виной подсудимого. Как указывал защитник д-р Дулемба, «симпатия к российскому народу ничего предосудительного представлять собой не может»¹⁰. Кроме того, в общественном мнении процесс представлялся как суд поляков (занимавших большинство государственных должностей в крае) над галицкими русскими активистами, то есть приобретал характер межэтнического конфликта. Прокурор вынужден был специально заявить, что идёт разбирательство именно персональных дел, а не национального вопроса: «Тут не поляк русина¹¹ судит, здесь не проводятся различия между вероисповеданиями, здесь

не политическая арена или форум, тут решает всё справедливость с завязанными глазами»¹².

Процесс активно комментировался в прессе и привлекал к себе всеобщее внимание. Ведь, по сути, от его результатов зависел дальнейший ход всей гражданской жизни края, характер межэтнических отношений в нем и пути развития национальной культуры его восточнославянского населения. Вот как выразил это на суде И. Наумович: «Весь наш письменный язык является государственной изменой, и, как я говорил, даже само имя Руси. А если и признают какую-нибудь Русь, то только такую, язык которой будет лишь русифицированным польским»¹³. Фактически этот суд стал важнейшим событием в истории формирования двух основных культурно-политических лагерей края («партий», как их называли) — русофильского и украинофильского. При этом он уже де-юре свидетельствовал о сложившемся к тому времени положении, когда именно украинофильская партия получала всестороннюю государственную поддержку. На такую тенденцию указывал Наумович: «А разве это не правда, что терпим, что всюду терпим поражение в неравной борьбе с партией, на стороне которой стоит правительство со всем своим авторитетом и силой! Разве помешало бы той партии, если бы мы имели на одного депутата больше, чем получили? Да если бы нас и больше выступило от имени народа русского, наш голос не будет услышан. Факты говорят о том, что речь идёт об уничтожении Руси»¹⁴¹⁵.

В действительности обвинение касалось не столько идей общеславянского единения, сколько объединения всего восточнославянского населения как единого русского народа (т. е. панрусизма), а значит, и присоединения Галичины, Буковины и Подкарпатья к России. Обвиняемые специально указывали, что их взгляды касаются вопросов не политики, а лишь культуры, и в первую очередь языкового развития. Например, редактор русофильской газеты «Слово» Венедикт Площанский оправдывался: «Вообще “Слово” редактируется в умеренном духе, и в нём нет ни одной статьи, в которой говорилось бы о политическом объединении Руси»¹⁶. Наумович настаивал, что «единая Русь» в его словоупотреблении — это лишь этнографическое понятие, в нём нет политического звучания: «Русь в этнографическом понятии едина, у неё есть свой язык образования и науки, своё поэтическое малорусское наречие и свой священный, уважаемый старославянский язык. Никогда великорус не скажет, что малорусская песня

ему чужая, что всё малорусское ему чуждо. Нельзя сказать, что церковный язык для нас иностранный, он для всех велико-, мало- и белорусов общий ... Можно ли написать историю Малой Руси, не начав её от Рюрика, они связаны и должны восприниматься как единое целое. Надлежит ли нам не любить Киева по той причине, что он за границами Австрии, хотя там наши предки приняли крещение, можем ли мы не любить давнего прошлого Новгорода, и не признавать своими все земли, о которых писал Нестор, называя земли полян, древлян и северян “русской землёй”? Он подразумевал под этим всю Русь, как же не любить всей Руси? Как поляк может не любить Варшаву, Познань? Только из-за того, что они находятся за границами Австрии? Так не может быть: он должен любить свою землю, своих людей, своё польское отечество целиком»¹⁷.

Однако в век национализма властям было уже понятно, что выбор русского языка московской нормализации в качестве литературного неизбежно подразумевает и формирование национальной общности, которая рано или поздно может заявить о своих правах на объединение. Вопросы культуры, литературы и веры в это время имели прямое политическое звучание. Так, когда защитник д-р Дулемба спросил свидетеля Евгения Желеховского — преподавателя гимназии в Станиславове — о том, в чем заключается различие между русофилами и украинофилами: «Это касается только литературы, или ещё и политики?», — тот ответил: «Я так понимаю, как и все понимают, что речь идёт о литературном языке». На уточняющий же вопрос: «А какова основа этого наименования?», был получен ответ, который трудно счесть исключительно лингвистическим: «В русской общности, в языковом различии»¹⁸. Однако строить обвинение в государственной измене на основе лишь литературных пристрастий всё же было невозможно.

Одно или два «с»

С целью различения местного восточнославянского населения, называвшего себя «русским», от восточных славян Российской империи, имевших то же самосознание, придумывались различные лексические и грамматические ухищрения, во многом нашедшие своё отражение в судебных прениях. Во-первых, это было как раз то время, когда стала внедряться идея различения одного и двух «с» («s»)

в написании русского этнонима. Например, указывается, что ежегодник «Пріятель дѣтей», «издание для народа и на народном языке», «в 1880 г. писало “ruski”, а в 1881 г. “ruski”»¹⁹. Два «s» означало подражание написанию этнонима согласно русской грамматической норме, а, соответственно, приобретало своеобразный смысловой оттенок, который можно назвать панрусистским. Этот тренд проявился и в стенограмме дела Грабарь. Например, слово «русофил» почти во всех случаях записано с двумя «с» («russofil», «руссофил»), что, очевидно, подчёркивало пророссийскую смысловую нагрузку этого понятия.

У нас нет информации о стенографистах, работавших во время суда, но несомненно, что их было несколько, и в целом по их записям можно судить о грамматических веяниях того времени. Употребление двух «s» в польских словах было явным нарушением давно устоявшихся норм польского языка, а, значит, делалось сознательно (в отличие, например, от двух «s» в слове «Russophile» немецкоязычных выступлений, так как этого в любом случае требуют нормы немецкого языка²⁰). Так, в польскоязычных текстах слово «russofil» встречается почти всегда с этим нарочитым удвоением «s»²¹. Однако и из такого положения есть исключения. Например, в записи слов редактора одной из газет Аполлона Ничая это слово зафиксировано один раз с одним «s», и сразу же после — опять с двумя²². Происходит удвоение «с» и в русскоязычных записях²³, однако здесь можно сказать, что и в российской литературной норме этого времени обыкновенно употреблялись слова с корнем «русс» вместо «рус» («белоруссы», «руссизм» и т. п.).

В материалах дела, относящихся к собственноручным текстам подсудимых, написание слова «ruski» через два «s» оказалось поводом для выдвижения обвинений в русофильстве. Наумович специально оправдывался по этому поводу: «В моём письме я имел в виду языковый вопрос, который послужил основой для обвинения, именно написание слова “ruski” через два “ss” сыграло здесь такую роль»²⁴. Вопросы: «Как написано?» — ставились применительно к русскому этнониму во всех сомнительных случаях в цитатах из личных писем или статей. Например, при разборе вопроса, что именно было написано в телеграмме Площанского в Москву в связи с годовщиной Пушкина, «z wielko-ruskim narodem» или «z wielkim ruskim narodem», после вопроса прокурора — «Как написано?», и ответа председателя — «Через два “с”», следует специальное объяснение самого